

РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

В.В. СОГРИН

Три исторические субкультуры постсоветской России

Рассматривая постсоветскую историографию в дискурсе исторической культуры, автор выделяет и анализирует три ее главные субкультуры. Это *народная субкультура*, отражающая восприятие истории массовым общественным сознанием. Это *государственно-политическая субкультура*, сформированная в той или иной мере при посредстве государственного заказа или партийными публицистами и идеологами. Это *научная академическая субкультура*, созданная профессионалами на основе документальных источников и дисциплинарных научных критериев.

Ключевые слова: постсоветская историография, народная историческая субкультура, государственно-политическая субкультура, академическая субкультура.

Considering the post-Soviet historiography in the discourse of historical culture, the author identifies and analyzes its three main sub-cultures. This is a folk subculture, reflecting perceptions of history by mass public consciousness. This is a state-political subculture, created in one way or another through the medium of state order, by party publicists and ideologues. This is a scholarly academic subculture, created by professionals based on documentary sources and disciplinary criteria of history.

Keywords: post-Soviet historiography, historical folk subculture, state-political subculture, academic subculture.

Эта статья – моя четвертая попытка в течение двадцати с небольшим лет осмыслить тенденции обновления отечественной историографии.

На рубеже 1980–1990-х гг. прошлого века я высоко оценивал пересмотр отечественной литературой периода горбачевской перестройки догматов советской эпохи и работу по ликвидации “белых пятен” истории [Согрин, 1990]. Во второй статье, относящейся к середине 1990-х гг., я рассматривал в качестве главной позитивной тенденции отечественной историографии возрождение научного плюрализма – важнейшего основания эволюционного приближения к исторической истине. Только научная конкуренция, столкновение позиций отбирает адекватные историческим реальностям концепции и выводы, отсеивая ложные. Вместе с тем я обнаруживал, что новые историографические течения, среди них и перестроечное, испытывали воздействие определенных идеологов [Согрин, 1996]. Третья попытка относится к середине 2000-х гг. и была приурочена к 20-летию горбачевских реформ [Согрин, 2005]. В статье констатировалось откровенное желание власти подчинить себе историографию, по крайней мере ее мейнстрим, и руководствоваться знаменитой формулой Дж.Оруэлла “кто управляет прошлым, тот управляет будущим” [Оруэлл] (чего не было в горбачевский и

ельцинский периоды). В качестве позитивной тенденции отмечалась интеграция лучшей части отечественной историографии (в моей оценке) в мировой историографический процесс и безусловное повышение, по сравнению со всеми предшествующими периодами, ее научного уровня.

Принципиальное отличие нынешней попытки осмысления постсоветских историографических тенденций – в осознании уязвимости рассмотрения и оценки исторического знания, накопленного обществом, на основе лишь академической науки. Это знание должно быть дифференцировано, а в качестве метода дифференциации избрана одобренная современным мировым академическим сообществом *идентификация историографии с исторической культурой и разбивка ее на несколько различающихся субкультур* (об этом см. [Тишков, 2011]). Среди них мною в качестве важнейших признаются три. Это *народная субкультура*, отражающая восприятие истории массовым общественным сознанием. Это *государственно-политическая субкультура*, созданная в той или иной мере при посредстве государственного заказа или партийными публицистами и идеологами. Это *научная академическая субкультура*, созданная профессионалами на основе документальных источников и научных дисциплинарных критериев. Я признаю научной только третью субкультуру исторического знания и только ее называю исторической наукой.

Актуальность рассмотрения постсоветской истории с выделением различных исторических субкультур проиллюстрирую несколькими фактами. Известный публицист В. Третьяков, возмущаясь разнобразием постсоветских исторических оценок и неспособностью создать достойную отечества историю, заявлял: “...утверждаю и настаиваю: наши историки даром едят хлеб и со своей профессиональной задачей не справляются” (“Известия”, 25 ноября 2010). Писатель Э. Радзинский не считает, что “историки даром едят хлеб”, но уверен, что задач у истории как науки нет, поскольку не существует самой такой науки (“Известия”, 15 ноября 2010). Очевидно, что известные публицисты, не разбираясь в сущности *предмета исторической науки*, выносят суровый приговор историческим субкультурам, не имеющим к ней отношения, которые сами же и пестуют. Тем более актуален анализ этих исторических субкультур.

Народная субкультура

Обратимся к первой из трех исторических субкультур – *народной*. Восприятие россиянами собственного исторического опыта, его отражение в массовом сознании еще не стали предметом полнокровного изучения отечественными авторами. В других, прежде всего в западных, странах, традиция исследования народной исторической субкультуры гораздо солиднее. Может быть, по этой причине одной из первых серьезных отечественных работ о народной исторической культуре стало исследование зарубежной – американской – народной исторической субкультуры [Савельева, Полетаев, 2008]. Авторы использовали американские социологические исследования массового исторического сознания, ведущиеся в США с 1930-х гг. 80-летний мониторинг массового исторического сознания дал богатую пищу для выявления долговременных трендов.

Американское массовое историческое сознание может быть определено как *либерально-демократическое* и *мессианское*. На протяжении 80 лет американские респонденты демонстрировали стабильную гордость своей конституцией, государственностью, демократией, экономической конкуренцией, индивидуальной свободой и правами человека. Более половины из них полагали, что американская цивилизация – не просто хорошая, но лучшая в мире, и США имеют моральное право распространять свои демократию и образ жизни на другие страны. Две трети американцев на протяжении последних 50 лет неизменно отвечали социологическим службам, что жизнь в США постоянно улучшается, и только 12% полагали, что она ухудшается. Большинство американцев на протяжении 80 лет неизменно считали тремя лучшими своими президентами Дж. Вашингтона, А. Линкольна и Ф.Д. Рузвельта. Такое мас-

совое историческое сознание служило одной из прочных основ внутривластной стабильности, предотвращения радикальных, а тем более – революционных, общественных потрясений, как и массового одобрения внешней политики страны.

Но было ли массовое историческое знание научным? И. Савельева и А. Полетаев, задавшись вопросом “знают ли американцы историю?”, приходят к выводу, что это знание в разной степени соответствует историческим реалиям, но оно так или иначе политизировано и мифологизировано, в нем огромное количество “белых пятен” по важнейшим темам и проблемам, и потому не может быть названо научным. В его формировании решающая роль принадлежит не научной литературе, а исторической беллетристике (американским “радзинским”), средствам массовой информации (американским “третьяковым”), политической власти, как, конечно, и собственному жизненному опыту.

Попробуем теперь охарактеризовать массовое историческое сознание россиян. В России традиция социологического исследования массового исторического сознания зародилась только в постсоветский период, а решающая роль в пестовании этой традиции, на мой взгляд, принадлежит научному центру, созданному выдающимся отечественным социологом Ю. Левадой. Обращу внимание на одну редкую для нашего обществознания особенность исследований Левада-Центра. Мировоззренчески Левада был убежденным либералом и демократом, но научные данные его Центра чаще всего “льют воду на мельницу” идейных оппонентов. Это образец научной непредвзятости.

В рамках статьи ограничимся оценками россиянами некоторых важнейших – “знаковых” – исторических событий (<http://www.levada.ru/archive/pamyatnye-daty>). Вот как выглядит их отношение к Октябрьской 1917 года большевистской революции, к ее причинам и следствиям (см. табл. 1, 2).

Как видим, на протяжении 20 с лишним постсоветских лет большинство народа/респондентов склоняются к признанию объективных причин и позитивных последствий Октябрьских событий, несмотря на то, что в исторических учебниках 1990-х гг. они назывались “переворотом”, да и в 2000-х гг. оцениваются и властью, и историческими учебниками примерно так же и, уж точно, негативно. Не случайно поэтому, что народ/респонденты отнеслись в большинстве негативно к решению власти стереть Октябрь из его исторической памяти, хотя зародить “червь сомнения” в массовом историческом сознании удалось (см. табл. 3).

Обратимся теперь к “родовому” событию постсоветской России – августу 1991 г. (см. табл. 4–8).

Как оценить народное историческое знание об августе 1991 г.? Отмечу, что оно отличается от моих собственных интерпретаций причин и последствий августа 1991 г., оцененного мною как либерально-демократическая и, безусловно, позитивная “бархатная” революция [Согрин, 1994; 2001]. Но я не могу признать народную историческую рефлексию научной отнюдь не по этой причине, а потому, что респондентская масса, что понятно и естественно, пользовалась в своих суждениях и оценках не теоретико-методологическим инструментарием, присущим исторической науке, а собственным мироощущением, а проще говоря, тем, что лично ей принес успех Б. Ельцина, а затем и его преемников.

Для характеристики российской народной исторической субкультуры очень важно сравнение восприятия ею Октября 1917 г. и августа 1991 г. Это сравнение оказывается в пользу Октября 1917 г. и, следовательно, включает признание преимущества советского исторического опыта перед постсоветским.

Эта очевидная истина была абсолютно проигнорирована авторами телепроекта “Исторический процесс”, реализовавшегося в 2009–2012 гг. сначала на Пятом петербургском, а затем на главном российском телеканалах. Замысел авторов телепроекта очевиден: при помощи достоверных фактов, развернутых рациональных аргументов убедить аудиторию в несостоятельности убогого и порочного советского социализма и “переманить” его на сторону нового российского капитализма, у которого, конечно, есть недостатки, но который пестуется новой властью, “овладевшей” российской

Таблица 1

Как вам кажется, что главным образом привело к Октябрьской революции?
(в %, до трех ответов)

Годы	1990	1997	2001	2007	2011
Тяжелое положение трудящихся	66	57	60	57	53
Слабость правительственной власти	36	40	39	35	34
Стихийная агрессия толпы	15	15	14	12	15
Экстремизм политических авантюристов	14	14	15	17	14
Заговор врагов русского народа	6	11	11	13	12
Другое	2	1	1	1	2
Затруднились ответить	12	11	9	9	12

Таблица 2

С каким из следующих мнений о том, что принесла Октябрьская революция народам России, вы скорее всего согласились? (в %)

Годы	1990	1997	2004	2005	2009	2010	2011
Она открыла новую эру в истории народов России	23	23	30	26	28	29	25
Она дала толчок их социальному и экономическому развитию	26	26	27	31	29	29	28
Она затормозила их развитие	18	19	16	16	16	14	19
Она стала для них катастрофой	12	16	14	15	10	9	8
Затруднились ответить	21	16	13	12	17	19	20

Таблица 3

Одобрете ли вы решение упразднить праздник 7 ноября? (в %)

Годы	2005	2007	2011
Определенно да/скорее да	27	27	30
Скорее нет/определенно нет	63	58	50
Затруднились ответить	10	15	20

историей и уже поэтому заслуживает поддержки. Телепроект был организован в виде состязания защитников советского опыта и их оппонентов. На мой взгляд, оппоненты интеллектом, эрудицией, логикой, превосходили апологетов ленинской, сталинской и брежневской России. А учитывая, что в первой части проекта “беспристрастным судьей” был либеральный журналист Н. Сванидзе, апологеты, казалось бы, должны были потерпеть сокрушительное поражение.

Но случилось все с точностью до наоборот. Вердикт об исторической истине был передан на голосование телеаудитории. И народная историческая “наука” раз за разом наносила сокрушительное поражение оппонентам советской истории, среди которых преобладали именитые ученые-историки. Для исторических оценок телезрителей сталинские преступления и концлагеря, голодомор и ликвидация цвета российского

Таблица 4

Как вы сейчас оцениваете события августа 1991 г.? (в %)

Годы	1994	1998	2001	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Трагическое событие, имевшее гибельные последствия для страны и народа	27	31	25	36	36	36	24	34	33	36	39	41
Просто эпизод борьбы за власть в высшем руководстве страны	53	46	43	42	43	39	48	41	42	43	35	37
Победа демократической революции, окончившей с властью КПСС	7	8	10	11	10	13	10	11	9	8	10	10
Затруднились ответить	13	15	22	11	11	12	18	14	16	13	16	12

Таблица 5

Как вам кажется, начиная с этого момента страна пошла в правильном или в неправильном направлении? (в %)

Годы	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2010	2011	2012
В правильном направлении	30	27	25	30	28	33	30	27	26
В неправильном направлении	47	49	50	44	37	40	37	49	46
Затруднились ответить	23	24	25	26	35	27	33	24	28

Таблица 6

Как вы сейчас думаете, кто был прав в те дни? (в %)

Годы	2006	2007	2008	2012
Ельцин и демократы	12	17	17	13
ГКЧП	13	8	11	13
Ни те, и ни другие	52	46	49	56
Затруднились ответить	23	29	23	18

Таблица 7

С какими из следующих суждений по поводу действий в дни путча Б. Ельцина вы бы скорее согласились? (в %)

Годы	2001	2011
Использовал смуту для того, чтобы захватить власть в стране	43	42
Ничего особенного не предпринимал, власть сама свалилась ему в руки	22	27
Мужественно выступил против ГКЧП	13	11
Другое	1	1
Затруднились ответить	21	19

С какими из следующих суждений по поводу действий в дни путча М. Горбачева вы бы скорее согласились? (в %)

Годы	2001	2011
Растерялся, выпустил власть из рук	41	43
Ничего не мог сделать, оказался “заложником” в Форосе	23	20
Находился в сговоре с ГКЧП	9	11
Другое	1	2
Затруднились ответить	26	24

крестьянства, уничтожение советской интеллигенции, превращение самого народа в быдло оказались менее страшными, нежели что-то другое, маячившее в их сознании в качестве более реальной, осязаемой и мерзкой альтернативы. Этой реальной альтернативой, судя по исследованиям Левада-Центра, для многих, если не большинства современных россиян, является постсоветская ельцинско-путинская Россия. Телезрители не упустили шанса отомстить “большему злу” благосклонным отношением к “злу меньшему”, которое допускало меньше коррупции, социальной несправедливости (для россиян это неоправданный разрыв в положении верхов и низов, со всеми вытекающими отсюда политическими и правовыми следствиями), уличной и бытовой преступности.

Государственно-политическая культура

Понятно, что современная российская власть с подобной исторической народной субкультурой примириться не может. И она начала активно формировать собственную *государственно-политическую историческую субкультуру*, которая должна подчинить иные исторические субкультуры, заставить работать на себя историческую науку. Это не означает, что *государственно-политической исторической субкультуры* в России прежде не существовало. Впервые она возникла еще в императорской России и тогда была отчеканена в знаменитой формуле “Самодержавие. Православие. Народность”. В советский период ее катехизисом стал сталинский “Краткий курс истории ВКП(б)”. Но понятие *государственно-политической исторической субкультуры* не использовалось, поскольку его тогда вообще не существовало, сталинская же историография отождествлялась с единственно научной, то есть была началом и вершиной исторической науки.

С приходом горбачевской перестройки, а особенно после отмены в 1990-м г. государственной цензуры, в России начала укореняться историографическая вольница, и *государственно-политическая историческая субкультура* стала размываться и вообще исчезать. Вместо нее возникло несколько историографических течений, среди которых в 1990-е гг. выделился либерально-демократический мейнстрим. Это соответствовало веяниям времени. Либерально-демократическая революция 1991 г. вызвала к жизни общественно-политический заказ на подобное освещение истории. Но важно заметить, что он не был сформирован в “силовом режиме”. Авторы, начавшие переписывать школьные и вузовские учебники с либерально-демократических позиций, то есть преувеличивая роль и объем либерально-демократического компонента российской истории и одновременно окарикатуривая нелиберальные компоненты, делали это чаще всего добровольно и искренне веря в то, что постигают и растолковывают историческую истину.

Возвышению либерально-демократического исторического мейнстрима способствовали и иные обстоятельства 1990-х гг. Например, то, что западным фондам, или

“иностранным агентам”, по понятиям нынешней власти, была предоставлена полная свобода на российском книжном рынке. Поскольку у российских издательств денег не было, западные фонды стали “диктовать моду” в издании общественно-гуманитарной, в том числе исторической литературы. Фонд американского мультилиардера Дж. Сороса издал массовым тиражом тысячи учебников по общественным и гуманитарным наукам, написанным как зарубежными, так и российскими авторами. Все эти учебники распространялись в вузах и школах бесплатно, так что вслед за политической либерально-демократической революцией в России осуществлялась мирная либерально-демократическая культурная революция. Российская власть этому не препятствовала, а наоборот, благоприятствовала. Фонд Сороса тесно сотрудничал с Государственным комитетом РФ по высшему образованию, а высокопоставленные чиновники последнего входили в Стратегический комитет совместной российско-соровской программы “Обновление гуманитарного образования в России”.

В моей оценке это сыграло позитивную роль в трансформации российского гуманитарного образования, способствовало его интеграции в мировое обществознание. Это имело позитивное значение и для исторической науки, но невозможно не видеть и идеологических эксцессов либерально-демократической “детской болезни” 1990-х гг. Происходила новая, по принципу “от обратного”, политизация учебной исторической литературы. Она вызвала критику даже со стороны западных специалистов. Р.У. Дэвис, например, в критическом ее анализе отмечал: «Использование термина “тоталитаризм” для характеристики сталинского режима – вопрос крайне противоречивый. Но Министерство образования Российской Федерации возвело концепцию в новую догму» [Европейский... 1999, с.50]. Новая догма нередко приобретала карикатурный характер, который по своей одиозности мало отличался от историографической ортодоксии советского образца. Так А. Головатенко в учебном пособии для абитуриентов гуманитарных факультетов, изданном в 1993 г., изложил историю советского периода в трех главах с характерными названиями: “Год 1917: через свободу к диктатуре”, “Становление коммунистического тоталитаризма” и “Преодоление тоталитаризма” (цит. по [Козлов, 2003, с. 87]).

Либерально-западнический подход, однако, не смог удержать господствующего положения ни в научной, ни в учебной исторической литературе. Но тут отступление с ведущей позиции было обусловлено не его научными издержками, а новой переменной политической ситуации в России. Сильнейший удар по российскому либерализму и его последователям в историографии нанесли радикальные реформы 1992 и последующих годов. До их начала российское демократическое движение твердо обещало россиянам, что западные либеральные образцы могут быть введены в России достаточно быстро и безболезненно. Однако на деле вместо обещанной североамериканской или западноевропейской общественной модели россияне получили некую смесь латиноамериканской модели и раннего социал-дарвинистского капитализма. Россия разделилась на сверхбогатое меньшинство и бедное и нищее большинство. Вместо правового государства утвердился беспредел чиновников и олигархов. Многие россияне возложили ответственность за крах своих надежд и иллюзий не только на политиков-либералов, но и на западные ценности, которые, по их мнению, в России оказались нежизнеспособными и приносят не благо, а зло.

На волне широкого недовольства оформились влиятельная левая и национал-патриотическая оппозиции, власть стала лавировать, сама прибегать к социальной и патриотической риторике, в том числе и в своих трактовках прошлого. Министерство образования начало “сдавать” авторов исторических учебников, сверх меры отошедших от патриотических канонов. Стали появляться и занимать все больше места учебники антилиберального толка. “Естественный ход” вещей создавал угрозу их преобладания в учебном процессе.

В. Путин и его сторонники, пришедшие к власти после нелегкой победы в схватке российских политических и экономических элит в 2000-м г., быстро обнаружили несогласие с “вольницей” в исторической культуре, науке, образовании и стали по-

следовательно проявлять намерение утвердить на господствующей позиции соответствующую их интересам историческую концепцию. Она оформилась не сразу, но постепенно ее контуры и суть стали обозначаться все более определенно. Ее дизайн определялся общей установкой правящей партии “Единая Россия” на утверждение в стране “суверенной демократии”. Она должна была составить альтернативу либерально-демократическим интерпретациям российского исторического опыта. Но она призвана была быть альтернативна и “левым”, советско-социалистическим интерпретациям, поскольку новая власть успешно пожинала плоды постсоветского российского капитализма и совершенно не желала от них отказываться.

В 2001 г. премьер-министр российского правительства М. Касьянов на заседании правительства заявил: “Дальше отступать некуда”, и поставил вопрос о школьных учебниках по истории России. В информации об обсуждении острого вопроса говорилось: “По словам Касьянова, через 10 лет после становления нового российского государства в учебниках не упоминается... о том, что сам народ избрал путь рыночных преобразований. По мнению премьера, это недопустимо” (цит. по [Дедков, 2003, с. 50]). В начале 2004 г. группа высокопоставленных военных ветеранов обратилась с письмом к Президенту России Путину, в котором осуждались сохранявшиеся “непатриотические” учебники. После этого Министерство образования “сдало” либерально-демократического автора И. Долуцкого и его “Отечественную историю XX века” (“Известия”, 14 февраля 2004).

Одновременно Министерство образования активно разрабатывало свой стандарт учебника по истории, который должен был прийти на смену “правым” и “левым” отступлениям от “исторической истины”. После ряда “проб” и “ошибок” образцовые, по меркам российской власти, учебники истории были созданы. Автором первого стал чиновник Министерства образования А. Филиппов [Филиппов, 2006], а второго – тот же Филиппов в соавторстве с профессором истории А. Даниловым [История... 2009]. Эти учебники были многократно раскритикованы научной общественностью. Данную критику можно продолжать, но лучше подытожить банальной фразой: “не выдерживают никакой критики”. Учебники безграмотны и убоги с точки зрения содержания, концепций, русского языка.

Но вместе с тем они не так однозначны, как это представляет научная критика. Им присущ эклектизм, использование принципа “с одной стороны, но с другой стороны”, стремление угодить разным ценностям. Среди шести консультантов Филиппова мы обнаруживаем имя С. Алексеева, вошедшего в современную российскую историю своей последовательной либерально-демократической политико-правовой позицией в эпоху горбачевской перестройки. Если бы Филиппов привлек, кроме того консультанта-филолога, и консультанта-логика, то, возможно, учебники не выглядели бы столь чудовищно. Также Филиппов, как ни странно, не осознал в полной мере исторического дизайна кремлевских политтехнологов.

Этот дизайн освящен идеями не чиновника Филиппова, а великого А. Солженицына. Последний вошел в отечественную историю как исполинская, но противоречивая фигура. Здесь невозможно раскрыть эту проблему, и я отсылаю читателя к двум фундаментальным, но по сути, взаимоисключающим исследованиям его исторической роли и наследия [Сараскина, 2008; Сарнов, 2012]. Для моего анализа важно то, что поздний Солженицын в своем идеале приближался к концепции “Православие. Самодержавие. Народность”. Он переключился с критики “Красного колеса” и Октября 1917 года на критику Февраля 1917 года и либерально-демократического компонента российской истории. В пространной статье, опубликованной в 2007 г. в правительственной “Российской газете” по случаю 90-летия Февраля, он изъяснился предельно четко: “В ночь с 1 на 2 марта Петроград проиграл саму Россию – и больше чем на семьдесят пять лет” [Солженицын, 2007, с. 10]. Так российский антибольшевистский кумир санкционировал разрушение Февраля 1917 г., который российской демократией рубежа 1980–1990-х гг. воспринимался как матрица либерально-демократической революции 1991 г.

Солженицын стал идеализировать Российскую империю в качестве образца “суверенной” российской истории еще раньше. В 1990-е гг. он писал: “Россия перед войной 1914 года была страной с цветущим производством, в быстром росте, с гибкой децентрализованной экономикой, без стеснения жителей в выборе экономических занятий, было положено начало рабочего законодательства, а материальное положение крестьян настолько благополучно, как оно никогда не было при советской власти. Газеты были свободны от предварительной политической цензуры (даже и во время войны), существовала полная свобода культуры, интеллигенция была свободна в своей деятельности, исповедание любых взглядов и религий не было воспрещено, а высшие учебные заведения имели неприкосновенную автономию. Многонациональная Россия не знала национальных депортаций и вооруженного сепаратистского движения...” [Солженицын, 1995, т. 1, с. 345]. Россия и монархия, согласно Солженицыну, сохраняли величие и в годы Первой мировой войны, но были преданы в Феврале экономической, политической, культурной и религиозной элитой.

Эти идеи Солженицына были подхвачены политтехнологами и идеологами Кремля. В. Никонов, развивая солженицынский приговор либеральному Февралю 1917 г., расставлял все точки над “i”: “Всех будущих министров объединяла принадлежность к Земгору, ВПК, прогрессивному блоку. И все они, как потом выяснилось, состояли в масонских ложах... В свержении власти императора сыграли роль и внешние силы... К моменту революции Россия была готова в военном и экономическом отношении к успешному продолжению военных действий... Голод и разорение России зимой 1916/1917 г. не грозили, хлеба хватало, промышленность росла... Если выявить социальный слой, в наибольшей степени приближавший революцию, то им окажется интеллигенция... В подготовке революции приняло участие большинство российских политических партий в спектре от октябристов до большевиков. Решающую роль сыграли либералы... Легитимацию перевороту дала Дума... Временное правительство разрушило российскую государственность” [Никонов, 2007].

А как же быть с исторической виной большевиков? Она не снималась, но уменьшалась и дифференцировалась. Во-первых, она оказывалась вторичной – монархию и империю разрушили сначала все-таки либералы. Во-вторых, И. Сталин, преемник первого главного большевика, В. Ленина, не разрушал, а реставрировал империю. Ему – честь и хвала. Что касается духовных ценностей, то и здесь, как доказывала одна из ведущих идеологов Кремля Н. Нарочницкая, злодеем был не Сталин, а Ленин: “Мой отец, переживший все периоды репрессий, вспоминал, что ленинское время было страшнее сталинского. При Ленине не только расстреливали, но и называли Александра Невского классовым врагом, Наполеона – освободителем, Чайковского – хлюпиком, Чехова – нытиком, а Толстого – помещиком, юродствующим во Христе...”. Сутью русской истории Нарочницкой объявлялись не либерализм, демократия и свобода, а великая держава и империя, способность противостоять Западу и его ценностям: “Раболепное эпигонство начала 90-х привело к катастрофическим утратам. В уплату за тоталитаризм сдали поругаемые отеческие гробы трехсотлетней русской, а не советской истории... Теперь вот собираем камни, хотим сделать демократию суверенной, избавляемся от диктата извне” [Нарочницкая, 2007].

Используя Солженицына, современные представители официально-государственной субкультуры шли дальше, обеляя российскую империю более усердно, приписывая все ее неудачи и поражения проискам масонов и Запада. А. Сахаров предложил следующую концепцию: Россия в 1905 г. могла рассчитывать на победу в войне с Японией, а ее проигрыш был результатом происков США, вынудивших Россию пойти на уступку Японии Курил и Южного Сахалина. Роль США в российско-японском конфликте Сахаровым демонизируется. В действительности, как это давно показано и в американской, и в российской исторической литературе, США и их президент Т. Рузвельт, выступившие с согласия как Японии, так и России, арбитром на их переговорах в 1905 г., исповедовали концепцию баланса сил и в силу этого, требуя уступок от потерпевшей поражение России, вместе с тем сдерживали (и сдержали) чрезмерные

притязания Японии. Тезис Сахарова о том, что США в 1905 г. показали “еще раз, кто является истинным дирижером событий на Дальнем Востоке” [Сахаров, 2006], анти-историчен. Дело в том, что в тот период, а тем более ранее, США по своему влиянию в мире и на Дальнем Востоке уступали всем ведущим европейским державам – Англии, Германии, Франции – и из-за позиции последних не сумели воплотить в жизнь своих стратегических установок, в первую очередь доктрины “открытых дверей”. Влияние, которым Сахаров наделил США применительно к 1905 г., эта страна стала обретать после Второй мировой войны, но тогда ее мощным противовесом был СССР. Реальной мировой гегемонии Соединенные Штаты достигли после окончания “холодной войны”. Отмечу также, что Сахаров, член-корреспондент РАН, в 1993–2010 гг. директор Института российской истории РАН, а в 2009–2012 гг. член президентской комиссии по борьбе с фальсификацией истории в ущерб интересам России, “упустил из виду”, что Курилы давно принадлежали Японии и уступать их не требовалось.

Историки официальной школы осудили всю русскую революционно-освободительную традицию. Был заклеен не только “третий”, большевистский этап революционно-освободительного движения (согласно периодизации советской исторической науки, воспринятой ею у Ленина), но также “первый – дворянско-декабристский”, и “второй – разночинско-народнический”. Все, кто поднимали руку на имперских самодержцев, приравнивались к врагам России и русской истории.

Таков официально-государственный исторический концепт. Он может быть определен как *авторитарно-националистический*. Он отличен от главной тенденции народной исторической субкультуры, которую можно определить как *социально-эгалитарную*.

Академическая субкультура

Обратимся к академической исторической субкультуре. Она, как отмечалось, создается на основе документальных источников и дисциплинарных научных критериев. Это не означает, что ее представители свободны от идеологических зависимостей. Но они, осознавая это, стремятся их “контролировать” (в частности, соразмеряют с реальной историей) или совмещают их с научной позицией искренне, а не из конъюнктурных соображений. Вообще же освободиться от идеологической зависимости абсолютно, на мой взгляд, непросто, по крайней мере, мне трудно назвать крупных историков, которым бы это удавалось.

Это касается не только отечественной историографии. Сошлюсь на примеры из американской исторической науки, которые известны и русскоязычному читателю. Это переведенные на русский язык на современном этапе две классические фундаментальные работы по истории США, принадлежащие признанным лидерам соперничающих научных школ. Первая работа – трехтомный труд Д. Бурстина, посвященный историческим этапам, и в первую очередь материальным достижениям, североамериканской цивилизации [Бурстин, 1993]. Вторая работа – объемная монография Г. Зинна “Народная история США” [Зинн, 2006], изданная в Соединенных Штатах впервые в начале 1980-х гг. и выдержавшая в течение последующего периода около 10 изданий.

Труд Бурстина – история предприимчивого американского народа и индивидуумов из самых разных социальных слоев, добывающих успех в самых разных сферах, в первую очередь материально-экономической, на всех этапах истории. Это история тех, кого в Америке называют “победителями” (*winners*), и именно они, как явствует из труда Бурстина, составляют большинство нации – американский народ. Работа же Зинна – по преимуществу история тех, кто на разных этапах американской истории оказывались в рядах “проигравших” (*losers*): индейцев, чернокожих, испаноязычных, белых бедняков и подавляющего большинства женщин всех рас. Согласно Зинну, именно эти “проигравшие”, а отнюдь не “победители” составляли большинство нации, они и есть американский народ.

Позиции Бурстина и Зинна отражают не их индивидуальные особенности, а *важнейшую черту* американской исторической науки в целом. Во все времена она была *разделена мировоззренчески*. Современным примером наличия идеологических влияний на американскую историографию может служить *политкорректность* – набор ценностей установок, оформившихся под воздействием общественно-политических процессов и изменений последней трети XX в. в американском обществе, в первую очередь в либеральных кругах (но ее не в состоянии проигнорировать и консерваторы).

В историографии США тогда укоренились *гендерные* и *афроамериканские* исследования, в университетах появились соответствующие кафедры и учебные курсы. Научная картина американской истории серьезно разнообразилась и пополнилась. Но в изучении новой проблематики обнаружилось и перекосы, находящиеся в противоречии с принципами историзма. Многие историки в своем исследовательском видении подчинились либеральной *политкорректности*, которая фактически наложила табу на критические суждения в отношении афроамериканского, равно как и женского движений. Кроме того, важнейшие события прошлого, такие как Война США за независимость, Гражданская война, Прогрессивная эра начала XX в. и Новый курс 1930-х гг. стали оцениваться не столько в связи с их позитивными нововведениями в сравнении с предшествующими эпохами, сколько в связи с неспособностью на разных этапах, в том числе начальных, обеспечить равные права афроамериканцам, женщинам, как и другим угнетенным социальным группам.

Политкорректность в анализе истории, по сути, равнозначна подходу, известному как “политика, опрокинутая в прошлое”. Он противоречит основополагающему для исторической науки принципу историзма. Суть последнего: события и деятели прошлого оцениваются в связи с тем, что они дали в сравнении с предшествующими эпохами и в контексте возможностей своего времени, а не в связи с тем, чего они не смогли и не могли дать в сравнении с последующими эпохами и современностью. При этом человеческое “измерение” и “цена” событий и изменений прошлых эпох могут/должны включаться в исследовательскую концепцию. Также явления прошлого могут быть проанализированы исследователем в их дальнейшем развитии. Но позитивные достижения современности, оказавшиеся возможными благодаря более высокому уровню развития цивилизации и культуры, не могут/не должны служить основой негативных оценок прошлого. В противном случае все прошлое может предстать в качестве “темных веков”. Именно так, например, оценивали Средневековые просветители XVIII в. Но последующие историки признали, что и Средневековые дали много позитивного в сравнении с Античностью, превозносившейся просветителями. *Историзм* при всей кажущейся простоте на самом деле категория тонкая. На мой взгляд, он не воспринимается многими представителями социальных наук, сосредоточенных на современности и вольно экстраполирующих свои оценки в прошлое. Да и среди историков есть те, кто им пренебрегают.

Итак, идеологические позиции и различия имеют место и в профессиональной историографии. Но они не ограничивают возможностей тех профессионалов, для которых смысл жизни и деятельности заключается в постижении исторической истины (в противном случае жизнь следовало посвятить другой профессии, например, строителя) и которые могут подняться над идеологемой, если она противоречит убедительному факту истории или убедительному аргументу историка. Различающиеся школы вступают в диалог друг с другом, воспринимают рациональные и доказанные аргументы и факты оппонентов. Так происходит приближение к исторической истине. Это режим *научной академической свободы*. Он исключает претензию на монополию.

В постсоветской исторической науке получили развитие различающиеся идеологические тенденции. Назвать их строго идеологическими вряд ли возможно, поскольку идеологический выбор был часто следствием теоретико-методологического. Эти теоретико-идеологические тенденции уже были рассмотрены мною подробно, а обозначались они как *формационно-ортодоксальная*, *формационно-ревизионистская*,

либеральная, цивилизационная [Согрин, 2005]. На современном этапе особым влиянием пользуется цивилизационное направление, но в его рамках обозначились три тенденции. Это *оптимисты, пессимисты и интеграционисты* (последние рассматривают российскую цивилизацию как *гибридную*).

Теоретико-идеологический плюрализм означал радикальное, принципиальное и позитивное отличие постсоветской профессиональной историографии от советской. Родилось научное соперничество современного образца, оплодотворившее отечественную историческую науку новыми концепциями. Многие направления стали заимствовать у мировой науки новые темы, дискурсы, методологии. На современном этапе развития отечественной исторической науки в ней все большее место стала занимать *междисциплинарность* (некоторые обозначают ее как *полидисциплинарность*), то есть использование при познании прошлого методов различных социальных наук. Отмечу, что междисциплинарность развивалась в отечественной исторической науке и в советский период, но тогда она сводилась к использованию методов социальных наук в рамках *марксистского* общественнознания. В постсоветский период *междисциплинарность в исторической науке качественно изменилась, поскольку она стала свободно черпать из арсенала современного мирового общественнознания*, в первую очередь из таких дисциплин, как культурология, социология, политическая наука, антропология.

Постсоветская историческая наука радикально поменяла свои авторитеты. В ее новом *гамбургском счете* мэтры советской исторической науки были потеснены теми, кто в советский период подчас слыли диссидентами, и конечно, звездами дооктябрьской исторической науки, которым прежде войти в ведущие отечественные историки мешала “буржуазная” или “дворянская” “ограниченность”. По индексу цитирования, если бы такой был проведен, на первые места, как мне представляется на основе собственных наблюдений, могли бы претендовать В. Ключевский и С. Соловьев.

В статье нет возможности охарактеризовать состояние научного плюрализма в изучении всех тем отечественной, а тем более, зарубежной истории. У читателя есть возможность ознакомиться с ним по соответствующим историографическим обзорам (хотя их, на мой взгляд, явно недостаточно). Здесь я ограничусь указанием на своеобразие ведущей тенденции в изучении отечественной истории и примерами научного плюрализма в исследовании некоторых наиболее острых тем. Свообразие ведущей тенденции в изучении отечественной истории, ее отличие от монопольной тенденции советской историографии состоит в отказе от рассмотрения отечественной истории по аналогии с западноевропейскими общественно-экономическими формациями и сосредоточенности на постижении национального своеобразия российской истории. В результате были внесены серьезнейшие коррективы в изучение российского социума в дофеодальный, феодальный, постфеодальный и капиталистический периоды. Упор при этом был сделан не на сходство, а на принципиальные отличия “феодализма” и “капитализма” в российском и европейском социумах.

Первым ярким примером научного плюрализма в изучении отечественной истории может быть названо исследование происхождения древнерусской государственности. В советский период монопольная позиция здесь, как известно, принадлежала антинорманнистам во главе с Б. Рыбаковым. Антинорманнисты сегодня занимают только одну из научных ниш, хотя, как и прежде, воинственны. Их лидер, Сахаров, безапелляционно заявил: “Норманнская теория – абсурдное дело!” (“Известия”, 17 июля 2004). А ведь норманнской теории придерживались не только Г. Байер, А. Шлецер и Г. Миллер. Но также Н. Карамзин и С. Соловьев, которые сегодня вновь стали кумирами российской историографии.

На ведущей же позиции в изучении происхождения древнерусской государственности сегодня, по моей оценке, оказались не антинорманнисты и не норманнисты, а приверженцы синтетического подхода, то есть те, кто тщательно, на основе совокупности всех первоисточников, всей исследовательской литературы, как отечественной, так и зарубежной, методик разных общественных и гуманитарных наук, как и специальных дисциплин, выверяют и взвешивают соотношение собственно славянских,

норманнских и византийских истоков и компонентов древнерусской государственности, формировавшейся на протяжении длительного исторического периода как до, так и после 862 г.

В качестве еще одного острого периода российской истории, в отношении которого развивается научный плюрализм, назову эпоху правления Николая II. На монопольную позицию здесь претендует апологетическая школа, кумиром которой остается Солженицын. Но это в основном публицисты, чурающиеся методик и приемов профессиональной историографии. Из крупных профессиональных историков к этой школе можно, на мой взгляд, отнести только Б. Миронова [Миронов, 1999; 2010]. Признавая его научные заслуги, не могу вместе с тем не отметить, что на концепции Миронова лежит отчетливая идеологическая печать (сам Миронов называет свою мировоззренческую концепцию “клиотерапией”, призванной внушить людям исторический оптимизм, дать им духовное исцеление). Другие ведущие профессионалы раскрывали неспособность николаевской империи, даже притом, что ее премьером в период с 1906 по 1911 г. был П. Столыпин, устранить фундаментальные причины общественно-политического кризиса и предотвратить крах монархии и революции.

Историографические дискуссии особенно остры применительно к революциям 1917 г., как Февральской, так и Октябрьской. Опять-таки отмечу, что среди тех, кто считают их “искусственными” и “рукотворными”, явно преобладают публицисты и политехнологи. Конечно, на их стороне великий Солженицын. Замечу, однако, что не менее великий Н. Бердяев при не меньшей, чем у Солженицына, нелюбви к Ленину и большевикам, утверждал, что “революция октябрьская и есть настоящая народная революция в ее полном прояснении” [Бердяев, 1928, с. 58]. Фундаментальную причину революции Бердяев определял так: “Мир господствующих привилегированных классов, преимущественно дворянства, их культура, их нравы, их внешний облик, даже их язык, был совершенно чужд народу – крестьянству, воспринимавшему как мир другой расы, иностранцев” [Бердяев, 1990, с. 111]. Народ, а не мифические “иностранцы” в лице кадетов или большевиков, сокрушил этих истинных, в его глазах, “иностранцев”.

Позицию, созвучную концепции объективных причин краха николаевской России, высказал один из участников газетной дискуссии о Февральской революции: «История, как известно, не терпит сослагательных наклонений. “Случайно” три революции и две проигранные войны – Русско-японская и Первая мировая... не происходят. Попытка объяснить Февральскую революцию в 1917 году случайностью, мягко говоря, несостоятельна... Не доводите народ до крайностей – не будет революций!» (“Российская газета”, 30 марта 2007).

Плюрализм в рамках научной исторической субкультуры означает, что монополия на историческую истину в условиях академической свободы исключена по определению. Но это не означает, что консенсус по вопросу исторической истины вообще недостижим. Опыт зарубежных историографий, например американской, свидетельствует, что оппонирующие школы приходят к согласию по целому ряду значимых исторических проблем. Важным условием такого согласия является выработка определенной культуры научной дискуссии. Ее основа – не *противоборство*, а спор в форме *диалога*. Противоборство означает стремление к научной монополии, к дискредитации и устранению оппонента – соперника, а диалог предполагает взаимообмен научными результатами и дискуссию в целях совместного приближения к научной истине, что невозможно без восприятия у оппонента рациональных аргументов, выводов, достоверных фактов. Противоборство – “игра с нулевой суммой”, а диалог – научное обогащение каждой стороны за счет убедительных аргументов и неопровержимых фактов оппонента, это *приращение общего знания* в интересах исторической науки в целом.

Необходимо признать, что культура диалога в российской историографии еще далеко не сформирована, у многих историков она отсутствует, но в ее развитии в постсоветский период достигнуты позитивные результаты. На мой взгляд, это проявилось в изменении взаимоотношений с зарубежной исторической наукой. В советский

период такие взаимоотношения включали в качестве основополагающей составляющей *борьбу с буржуазной историографией*. Возможность творческого восприятия тех или иных положений зарубежной историографии практически касалась только тех школ, которые были близки к марксизму, а в отношении выводов, подходов, концепций иных школ предполагалась оппозиционная, зачастую непримиримая позиция. В постсоветский период данная установка утрачивала значение, борьба с буржуазными школами уступала место *диалогу и дискуссии* со всеми без исключения направлениями и течениями мировой исторической науки, а главным критерием отношения к выводам и концепциям той или иной школы становится их соответствие исторической реальности, а не ценностно-мировоззренческие предпочтения представителей данной школы.

Перманентный мысленный *диалог со всеми исследовательскими историческими школами, в том числе и даже особенно с оппонентами*, означает восприятие суждений оппонентов как *вызова*, который в качестве *ответа* предполагает учет всего рационального, что заключено в позиции оппонировавшей школы. Проиллюстрирую это на примере отношения к постмодернизму, который, возможно, включает главный вызов современной исторической науке.

О постмодернизме написано достаточно много. Он вызвал развернутую критику со стороны практически всех российских историков по той очевидной причине, что в своих крайних выражениях означал отрицание объективных оснований исторического познания, как и самой не зависящей от исследователя прошлого исторической действительности. Это неприемлемо и для меня, но, на мой взгляд, нельзя не признать наличия в позиции постмодернистов рационального начала. Мэтр постмодернизма Х. Уайт доказывал, что у истории, в отличие от естественных наук, нет единого “языкового протокола”, то есть общепринятого научного языка. Труды историков, даже самые авторитетные, по сути – репрезентации определенных языковых модусов (тропов) обыденной речи [Уайт, 2002, с. 32, 51]. Зададимся вопросом: разве в этой критике нет рационального упрека? При ознакомлении с работами современных российских историков (это же касается и зарубежных авторов) нетрудно обнаружить, что в них зачастую присутствует произвол в использовании многих понятий, терминов, ключевых слов, не говоря уже об обыденном языке. При чтении многих работ отечественных историков создается впечатление, что за языком изложения они вообще не следят. Для них это вообще не проблема. Среди историков нет единства в понимании наиболее часто используемых и модных сегодня понятий, например таких, как *парадигма, дискурс, концепт, архетип, цивилизация, империя, нация* и т.д. Каждый историк вкладывает в них тот смысл, который удобен ему самому.

Критика и вызов постмодернизма рациональны. Ответ со стороны тех, кто отстаивают право истории быть объективной и научной, заключается в упорядочении используемых понятий, терминов, категорий, достижении единства в определении их смысла, как и, конечно, в оттачивании научного и литературного языка. Подобная рациональная реакция необходима и во взаимоотношениях со всеми иными оппонировавшими школами. Ответ им должен заключаться не только в оспаривании положений, противоречащих истине, но и в учете рациональных суждений в целях совершенствования и развития исторического знания. В этом случае у истории возрастают шансы стать более объективной и научной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.
Бердяев Н.А. Русская религиозная мысль и революция // Версты. Париж, 1928. № 3.
Бурстин Д. Американцы. В 3 т. М., 1993.
Дедков Н. Проблема учебника истории // Исторические исследования в России II. М., 2003.
Европейский опыт и преподавание истории в постсоветской России. М., 1999.
Зинн Г. Народная история США. М., 2006.

История России. 1900–1945. М., 2009.

Козлов В.А. Российский посткоммунистический синдром: “разрушенное прошлое” и кризис советской идентичности // *Общественные науки и современность.* 2003. № 4.

Миронов Б.Н. Благосостояние населения и революция в имперской России. М., 2010.

Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX века). В 2 т. СПб., 1999.

Нарочницкая Н.А. Революция: до основания, а зачем? // *Российская газета.* 2007. 1 ноября.

Никонов В.А. Крушение империи. Почему за несколько дней была разрушена российская государственность // *Российская газета.* 2007.16 марта.

Оруэлл Дж. 1984 (lib.ru/ORWELL/r1984.txt)

Савельева И.М., Полетаев А.В. Социальные представления в прошлом, или Знают ли американцы историю? М., 2008.

Сараскина Л. Александр Солженицын. М., 2008.

Сарнов Б. Феномен Солженицына. М., 2012.

Сахаров А.Н. Правда о неоконченной войне. Позорный проигрыш Русско-японской войны 1905 г. не более чем исторический миф // *Российская газета.* 2006. 13 ноября.

Согрин В.В. Идеология и историография в России: нерасторжимый брак? // *Вопросы философии.* 1996. № 8.

Согрин В.В. К новому историческому сознанию // *Историки отвечают на вопросы.* М., 1990.

Согрин В.В. Политическая история современной России. 1985–1994; от М. Горбачева до Б. Ельцина. М., 1994.

Согрин В.В. Политическая история современной России. 1985–2001. От М. Горбачева до В. Путина. М., 2001.

Согрин В.В. 1985–2005: перипетии историографического плюрализма // *Общественные науки и современность.* 2005. № 1.

Солженицын А. Публицистика в трех томах. Ярославль, 1995.

Солженицын А. Размышления над февральской революцией // *Российская газета.* 2007. 27 декабря.

Тишков В.А. Новая историческая культура (размышления после XXI Международного конгресса исторических наук) // *Новая и новейшая история.* 2011. № 2.

Уайт Х. Метаистория. Екатеринбург, 2002.

Филитов А.В. Новейшая история России. 1945–2006 гг. М., 2006.

© В. Согрин, 2013